

УДК 17

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТЦЕНТРИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА: К ПОИСКУ ОСНОВАНИЙ МОДЕЛИ КОЛЛЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

М.Ю. Раитина

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

E-mail: raitina@mail.ru

Показано, что наука представляет собой бесконечное коммуникативное пространство, в рамках которого приобретает значимость изменение статуса субъекта познания. Рассматриваются возможные подходы к формированию модели коллективного субъекта познания.

Ключевые слова:*Наука, научное творчество, субъект познания, коммуникации, социальная сеть ученых.***Key words:***Science, scientific creation, subject of knowledge, communication, social network of scientists.*

На сегодняшний день в фокусе размышлений философии науки находятся, потеснив традиционные приоритеты, такие области бытия культуры, которые ранее противопоставлялись научному познанию и оставались за пределами рассмотрения. Особенностью развития современной науки является процесс ее внутренней интеграции, совмещение исследовательской деятельности с другими направлениями и формами. В результате чего философия науки превратилась в коммуникативное исследовательское пространство, в котором сосуществуют подчас конфликтные традиции, школы и направления, зачастую конкурирующие между собой. Причем методология исследования извлекается из самых разных дисциплинарных областей.

Один из специфических признаков, характеризующих современную философию и культурную ситуацию, утративших понятие субстанциональности, выражен в крайней форме метафорой «смерть субъекта», в более мягких вариантах речь идет о критике и переосмыслении понятия «субъект». Философия науки нуждается в новых концептуально-логических структурах, благодаря которым можно было бы определить «присутствие» и содержание описания субъекта научного познания, а для этого требуется изменить представление о субъекте познания, узнать о воздействии субъекта на предмет, познаваемый им. В связи с этим проблема изменения статуса субъекта в научном пространстве имеет неоднозначный спектр решений.

Направления, составляющие обширную часть пространства философского знания конца XX в., такие, как постструктурализм, постпозитивизм, постмодернизм, имеют различное содержательное наполнение, но делают акцент на одном: все они подвергают кардинальному пересмотру категорию «субъекта» и порой исключают её из инструментария философских рассуждений. «Субъектность», в ее классическом смысле, у представителей этих направлений философской мысли, не может являться категорией для понимания нашего времени или претерпевает существенные дополнения. Многие из них, рефлексировав над сегодняшним состоянием

социальности, обрисовывают весьма пессимистические перспективы развития, потери будущего, ссылаясь на всеобщий кризис науки и утрату западной цивилизацией элементов развития в целом [1]. Методология прогнозов будущего человечества в значительной степени задана личностными, ценностными, культурно-историческими ориентациями ученых.

В середине XX в. концептуальные основания «внеисторического рационализма» неопозитивизма, ориентированные на постулаты «стандартной концепции науки», были оспорены. На смену пришли новые представления о науке. Так, Т. Кун предложил отказаться от господствующего в позитивистской, неопозитивистской и поперианской философии науки образа науки как системы знаний, предложив образ науки как деятельности научных сообществ и эволюции научных парадигм. Специфика этого образа заключалась в том, что логические процедуры развития науки ставились в функциональную зависимость от господствующего способа деятельности научных сообществ (парадигма, дисциплинарная матрица, матрица понимания). Постулаты теории относительности и квантовой механики поставили под сомнение традиционный взгляд на роль субъекта в познании. Это привело к признанию большего значения субъектного характера познавательной деятельности.

По мнению Л.А. Марковой, статус субъекта меняется, он по выражению исследовательницы: «в значительной степени «опредмечивается», так как логические отношения между членами научного сообщества оказываются включенными в теоретическую структуру знания, а не остаются полностью за ее пределами. По той же причине изменяется и объект изучения: он в какой-то степени «распредмечивается», приобретает субъектные характеристики» [2]. Функция интерпретации знания, получаемого в процессе наблюдения и эксперимента, оказалась органично связанной с субъектом познания, сама же наука как феномен вызвала глубокий интерес в исследовательском сознании: расширились перспективы анализа науки, появилось мно-

жество подходов и направлений, с позиций которых исследуются различные срезы и уровни феномена научного творчества.

Сегодня исследователь, анализирующий процесс приращения научного знания, столкнулся с тенденцией, которую можно охарактеризовать как тенденцию «социологизации современной гносеологии», что нашло отражение, в частности, в терминологии Д. Блума «социальная теория познания», отражающей тему плюрализма в гносеологии. Исследователи рефлексии над глубинами субъективного в эволюции научного знания, утратив интерес к бессубъектной гносеологии. Своеобразный подход социального исследования науки представлен несколькими концепциями, дополняющими картину, используя микросоциологические исследования, в которых научное знание формируется из содержания деятельности и общения ученых. Этот комплекс подходов включает в себя дискурс-анализ, анализ научной коммуникации, этнометодологический подход.

Следовательно, в противовес объективно научным методам позитивизма в качестве ведущего метода систематизации знания выдвигается интерпретация действий ученого в ситуациях межличностного общения. Так как социальная реальность, не обладая объективными характеристиками, формирует их лишь в ходе речевой коммуникации собеседников, определяющих их в объективных категориях, которые впоследствии берутся за основу отображения реальности [3]. Например, Ж.-Ф. Лиотар обращает внимание на то, что наука — это одна из форм «языковой игры», вид дискурса, не имеющая объективных свойств и однозначного толкования. Знание, как таковое, у Ж.-Ф. Лиотара, не может сводиться к науке как комплексу универсальных закономерностей. Познание им трактуется в виде совокупности высказываний, определяющих предметы или описывающие их [4].

М. Малкей указывает на то, что научное знание — это интерпретация, содержание которой осуществляется в пределах научного сообщества. Этот факт он объясняет следующим образом: как только новое научное утверждение отделяется от первоначального контекста, оно подвергается изменяющимся переинтерпретациям. А.-Т. Уильямс, Дж. Равец, Р. Уитли, А. Сэндоу детально исследовали явление, названное ими «неформальным процессом отбора»; процесс этот — одна из динамических сил, определяющая единый ход научной эволюции. Научные идеи могут не выдерживать многочисленные реинтерпретации, в противном случае, научное утверждение приобретает значение серьезного интеллектуального достижения в сфере науки, неподвергаемой сомнению части научного знания. «С представлением сообществу решенной задачи, на основе которой начинают осуществляться новые работы, — пишет Дж. Равец, — объекты исследования необходимо меняются — подчас лишь слегка, но иногда и радикально. Если

взглянуть на исходную проблему в ретроспективе даже после краткого периода её развития, то первоначальная аргументация предстанет как относящаяся к несуществующим объектам. В таком случае возникает вопрос: можно ли перевести эту аргументацию в другую форму или ещё как-то преобразовать, чтобы теперь она могла соотноситься с новыми объектами, являющимися потомками исходных, и при этом все же оставаться адекватной основой для каких-то выводов? Если этого сделать не удастся, первоначальные выводы отвергаются как относящиеся к несуществующим объектам или приписывающие неверные свойства объектам реальным. Однако же, если такие преобразования оказываются возможными, то первоначально решенная проблема рассматривается как содержащая некий элемент, инвариантный по отношению к изменению объекта исследования» [5. С. 101].

М. Полани вводит конструкцию личностного знания, он назвал его «молчаливым», «неявным», подразумевая под этим практическое знание, индивидуальные навыки, умения. Это знание, не приобретшее концептуальной формы. Кроме того, в неявное знание М. Полани включает неявные «смыслозадающие» операции, определяющие семантику высказываний. «Неявное знание» — это скрытые неформализованные действия (или семантические функции). М. Полани, опровергая идеи К. Поппера, отвергал абсолютизацию объективного и субъективного в научном знании. Формируя концепцию «трех миров», он пытался вывести процесс роста научного знания за пределы индивидуального опыта в сферу объективного знания, утверждая при этом, что во всяком научном знании запечатлен личностный фактор, придающий определенную форму всему фактическому знанию. Таким образом, не существует «чисто» объективного знания.

Что касается личностного и субъективного, М. Полани разводит эти понятия: субъективное определено психическим состоянием (сон, переживание страха, неуверенности, восторга, боли), а для этого не нужно внешнее выражение, объективированность. Личностное знание — это единство субъективного и объективного, это преодоление, как полагал М. Полани, субъективности за счет желания исследователя достичь универсальных стандартов, соответствующих критериям научности. Проявление личностного момента в познании, в частности, считал М. Полани, можно видеть в том, что экспериментальные утверждения и формулировки субъекта наделяются значением и убеждением. Мы считаем, что исследовательская заслуга М. Полани заключена в том, что, говоря о личностной компоненте познания, он ищет в ней проявления межличностного и универсального, не абсолютизируя творческую активность субъекта, его свободу от объективного в науке. М. Полани приходит к выводу: потенциал личностного знания огромен, но личностное знание всегда регулируется катего-

риальным строем, и именно последний воспроизводит в себе объективную логику науки [6].

М.С. Козлова, исследуя проблему поиска логико-методологических средств рефлексии субъекта, считает, что это можно сделать лишь посредством ввода в понятие «субъект познания» таких характеристик, как социокультурная обусловленность и включенность в предметно-практическую деятельность [7].

В.С. Степин отмечает формирование постнеклассического образа науки и научной рациональности. Его особенностью является, так называемый, антропный принцип, предполагающий включенность человека как неотъемлемого компонента в «соразмерный» ему многосложный мировой процесс [8. С. 641–697]. Это согласуется с синергетическими представлениями Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, понимающих «субъекта» как синергию человека и среды. Все больше в поле зрения философии науки попадает именно такое сотворчество человека и природы, что можно рассматривать как тенденцию снижения актуальности субъектности «старого образца», характеристики которой были сформулированы в противопоставлении человека, природному миру, жесткой субъект-объектной демаркации [9].

Попытка спасти субъекта с позиции десубстанционалистской онтологии (отвергающей основу мира) предпринята Г.Б. Гутнером: «Лишь момент действия обнаруживает субъективность ... мы должны сказать, что субъект есть только в деле. Иными словами, субъект есть энергия или, пользуясь средневековой дефиницией, чистый акт. Таким образом, мы, кажется, подходим к интерпретации субъективности в постнеклассической научной парадигме. Описанный нами субъект действительно создает самого себя в своей формопологающей деятельности» [10. С. 419]. Поэтому, по мнению В.Н. Поруса, субъект — это не «готовая» форма, в которую вкладываются разные мысли и поступки. Становление субъекта, удовлетворяющего современной науке и философии, происходит в актах ответственного действия в научно-познавательной деятельности и не существует помимо этих актов [11]. Несмотря на то, что философия науки — область, которая в силу своей специфики, упорнее всех сопротивляется постмодернизму, очевидно, что пересмотр стандартной концепции науки, а, следовательно, и тех характеристик науки, которые сложились в Новое время, обусловил трансформацию в философии и методологии исследовательских программ.

Междисциплинарность постмодернистских подходов определяет термин «исследования науки», указывающий на то, что анализ научного познания закреплён не только за философией, но и за социологией, историей, антропологией, экономикой, этнографией и т. д. Основные методологические подходы, сложившиеся сегодня к исследованию развития процесса научного знания отличает незавершенность, недостаточность, неполнота.

Кумулятивный подход, основанный на представлении о научном познании как постепенном накоплении проверенных на опыте, и, соответственно, истинных объяснительных схем, под которые и перестраивается предыдущая история. Каждый последующий шаг науки делается с учетом предыдущих достижений. В данном случае субъект выступает в качестве средства реализации научной программы, ничего не значащий ее элемент: познание рассматривается без познающего субъекта. Идеи развиваются как бы сами по себе, объективно. В связи с этим исследователь исключает из процесса изучения все свои субъективные (случайные) свойства (мировоззренческими установки, ценности, традиции, интеллектуальные предпочтения и т. д.). Таким образом, «субъектность», как таковая, провоцирует отклонения в исследовательской деятельности ученого от введенных научным сообществом стандартов рационализма. Кроме того, антиисторизм в понимании проблем науки вел к тому, что вопросы социокультурной обусловленности эволюции науки долгое время оставались за пределами исследовательского интереса. А между тем наука оказывается совокупностью возможностей её существования, — одной же из таких возможностей является тот социокультурный ареал, в который наука погружена.

Сторонники некумулятивной модели развития науки стремятся преодолеть отмеченный выше недостаток, предлагая рассматривать развитие науки как прерывистый процесс, а иногда и полную смену систем знаний. В частности научному знанию априори присуща социальная детерминанта, выраженная в ценностных ориентациях. Формирование научных идей происходит в уникальных, не воспроизводимых условиях, и развитие науки и научного творчества интерпретируется в качестве предмета социальной и культурной обусловленности. Классическое для гносеологии отношение субъекта и объекта знания предстает сегодня как многократное и многоплановое опосредование познавательных усилий ученого не только наличными средствами познания, но и, казалось бы, внешними для познания факторами — традициями и нормами, ценностями и идеалами, носителем которых является научное сообщество. Современный тип научной рациональности требует учета в самом описании объекта характера используемых средств и операций деятельности и соотносением с ценностно-целевыми структурами (как внутринаучными, так и внешними, социально-культурными ценностями и целями).

Обращаясь к динамике производства знания, М. Малкей и Р. Коллинз обращают внимание на то, что научное сообщество — особого рода социокультурный феномен [5, 12]. Р. Коллинз, к примеру, вводит обозначение «социальная сеть ученых», иногда заменяемое на «проблемная сеть» и «исследовательская сеть», — что означает совокупность исследовательских сообществ, связанных общно-

стью целей, единой информацией, техническими ресурсами. При этом члены группы — коллеги и одновременно конкуренты; группы — это «узлы» сети, их взаимодействие — «нити» сети, которые корректируют «ход» научного развития. Сложнейший язык морали, действующий в сообществах ученых, концентрируется на таких блоках проблем, как коммуникационные процедуры, беспристрастность, интеллектуальные предпочтения.

В литературе в связи с этим возник термин «эпистемологическая концепция скрытого или неявного знания», носители которого все те же субъекты. В эпистемологическую концепцию скрытого или неявного знания Р. Коллинз привнес термин «социальные переговоры, понимая под ним процесс взаимодействия в научном сообществе [12].

Попытку уйти от социального конструктивизма и субъективной перспективы делает Б. Латур, применяя подход «актор-сеть» к анализу лабораторной практики, где знание предстает в качестве сетевого взаимодействия, т.е. переплетения людей и вещей, интересов и идей. Поэтому научный результат сам

становится субъектом действия сети или ее элементом [13].

В связи с выше сказанным можно сделать вывод о том, что философия науки развивается по пути дифференциации собственных представлений. Она эволюционирует в качестве отрасли исследований, следующей по пути междисциплинарного синтеза, задача которого — преодоление отмеченного еще И. Кантом несоответствия между организацией реальности (закономерности «устройства» которой нам не всегда известны) и наукой, которая формируется, используя базовые допущения, гипотезы и интерпретации представлений о реальности и ее организации [14]. В современной философии науки происходит все большее вытеснение субъектцентристских концепций моделью коллектива и коллективной коммуникации, связывающих отдельных людей, социальные группы, сообщества ученых и т. д. Субъект — символ не только научного творчества, но и один из главных «инструментов» сознания современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бард А., Зодерквист Я. НЕТократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в С.-Петербурге, 2004. — 252 с.
2. Маркова Л.А. Конструирование научного знания как социальный процесс // Философия науки. — М.: ИФ РАН, 1997. — С. 110–118.
3. Огурцов А.П. Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. — СПб.: Издательство Русско-Христианского гуманитарного института, 2004. — 316 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998. — 160 с.
5. Малкей М. Наука и социология знания. — М.: Наука, 1983. — 212 с.
6. Полани М. Личностное знание. — М.: Академический проект, 1985. — 344 с.
7. Левит С.Я., Комиссарова Л.Е. Путь в философию. — СПб.: Университетская книга, 2001. — 443 с.
8. Степин В.С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 743 с.
9. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. — М.: КомКнига, 2007. — 232 с.
10. Гутнер Г.Б. Субъект как энергия // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания / под ред. Л.П. Киященко. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 560 с.
11. Порус В.Н. Является ли наука самоорганизующейся системой // Вопросы философии. — 2006. — № 1. — С. 95–108.
12. Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. — М.: Акад. проект, 2004. — 605 с.
13. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Сер. Философия. — 2003. — № 3. — С. 20–39.
14. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2001. — Т. 2. — 518 с.
15. Московченко А.Д. Проблема интеграции фундаментального и технологического знания. — Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. и радиотехники, 2001. — 280 с.
16. Столярова О.Е. Постнеклассический образ науки: «Исследования технотехники» // Философия в XX веке. — М.: РАН ИНИОН, 2003. — С. 41–82.

Поступила 24.03.2010 г.